

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ 1920-Х ГОДОВ НА СТРАНИЦАХ
ДВОРЯНСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ**

На основе анализа воспоминаний представителей дворянского сословия, как эмигрантов, так и оставшихся в Советской России, в статье представлены оценки повседневной жизни 1920-х годов. Дан анализ новейших исследований историков, в которых освещаются изменения в сознании и поведении представителей дворянства в 1920–1930-х гг. Показаны особенности восприятия повседневности, отмечается их зависимость от степени адаптации «бывших» к новой социальной реальности. Сравнительный анализ воспоминаний показал общность культурных стереотипов, мешающих социальной адаптации. Подчеркивается, что первоначально политика правящей власти была нацелена на социальное, культурное и психологическое отторжение представителей дореволюционной элиты, а в начале 1930-х гг. на физическое уничтожение потенциальной оппозиции; на исключение возможности передачи культурных стереотипов от «дореволюционных» поколений к поколению детей и молодежи.

Ключевые слова: повседневная жизнь, воспоминания, культурные стереотипы, адаптация, социальные риски, дворянство, «бывшие».

Результатом Великой российской революции стали масштабные изменения во всех сферах жизни населения страны. Правящая большевистская партия внедряла новые социалистические принципы в сознание и повседневную жизнь людей. Политическая пропаганда была нацелена на создание новых духовно-нравственных ориентиров. В этих условиях дворянство подверглось колоссальному прессингу со стороны власти большевиков. В исторической литературе политика советской власти в начальный период ее функционирования представлена с позиций реализации партийных и государственных директив. Лишь сравнительно недавно на фоне всплеска интереса к истории повседневности и микроистории появились работы, посвященные повседневной жизни представителей бывших дореволюционных элит в советском государстве [1; 4; 7; 13]. Выделились в отдельное направление научного поиска исследования повседневной жизни «бывших» (дворян, бюрократии, духовенства, предпринимателей). Параллельно с историками судьбы представителей дореволюционных привилегированных слоев изучали специалисты по исторической социологии – С.А. Чуйкина, Е. Фотева, Д. Берто, К. Герасимова. Они на основе методики, предложенной В.Б. Голофаст и Т.З. Протасенко, активно использовали такой специфический социологический инструментарий, как устные опросы живших на тот момент в Санкт-Петербурге потомков российских дворянских фамилий. Исследователи данного на-

* © Барина Е.П., 2016

Барина Екатерина Петровна (fnz25@yandex.ru), кафедра социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Самарский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 443036, Российская Федерация, г. Самара, ул. Неверова/Линейная, 87/35.

правления пытались интерпретировать социальные практики и особенности поведения дворянства после революции 1917 года [1; 4]. На основе анализа воспоминаний живших на момент написания работы потомков петербургских дворянских фамилий, а также ряда рукописных мемуаров из частных архивов, С. А. Чуйкина проанализировала особенности образа жизни, быта, самосознания представителей дворянства, пути их приспособления к реалиям послереволюционной эпохи. Однако специфика используемого инструментария ограничила эмпирическую базу работы воспоминаниями дворян 1910-х и более поздних годов рождения [13].

Увидели свет работы, авторы которых пытались экстраполировать жизненные судьбы представителей конкретного рода после 1917 г. на русское дворянство в целом. Основываясь на изучении жизненного пути, мировоззрения типичных представителей социальной группы, менталитета социальных групп и сословий, они пытались выявить общие культурные стереотипы, характерные для большей части сословия, модели поведения и сложные процессы адаптации российского дворянства к изменившимся социальным условиям после 1917 года, проанализировать причины репрессий, направленных на представителей этого сословия в 1930-х гг. [8; 9; 12].

Наиболее ценным источником являются воспоминания, написанные членами дворянских семей, оставшимися в Советской России и выжившими в сталинских лагерях; в этих воспоминаниях представлены повседневные события 1917–1930-х гг. [3; 5; 10]. При работе над ними у большинства мемуаристов-эмигрантов возникла проблема их репрезентативности, так как они не имели возможности проверить свою память, сверить описываемые события с документами. Большинство воспоминаний представителей эмиграции посвящены дореволюционному периоду, лишь в некоторых описаны события 1917–1921 гг., при оценке которых преобладают негативные высказывания, повседневная жизнь этого периода рисуется в мрачных тонах.

Первая мировая война, революционные катаклизмы 1917 года, гражданская война поставила как перед отдельной личностью, так и всем дворянским сословием проблему выбора «пути». Результатом революции стали колоссальные социальные сдвиги. Резкое изменение экономических и социальных условий после 1917 года, травмирующие социальные практики (аресты, обыски, конфискации имущества) не могли не сказаться на психологическом состоянии представителей дореволюционной элиты. Отметим, что представители дворянства не любили вспоминать о событиях 1917–1918 гг. Чаще всего это было связано с ощущением потери родины. Князь С.М. Волконский вспоминал в эмиграции: «Лето 1917 года было неприятно. Много пришлось впоследствии испытать всяких лишений, оскорблений, издевательств, но при всей их откровенной наглости эти последующие прикосновения революции были менее противны, чем то ехидное, ползучее проникание в вашу частную жизнь» [2, с. 250].

Из мемуарной литературы хорошо известно, что после революции дворянские семьи, как правило, оставляли свои родовые имения и переселялись в города, так как жизнь там казалась менее опасной, чем по соседству с крестьянами. «Атмосфера накалялась, ходили слухи о поджогах помещичьих усадеб и грабежах» [10, с. 166]. А.В. Давыдов вспоминал, что решение остаться в имении ему далось тяжело, так как он не был уверен: «...будут ли, в связи с происшедшей революцией, крестьяне немедленно убивать помещиков, громить усадьбы и грабить экономии или выжидать событий, сознавая, что их давнишние вожделения не могут теперь не осуществиться новым законным путем?» [6, с. 29].

Отношения дворянства и крестьянства в послереволюционные годы во многом зависели от личных связей и степени вовлеченности дворян-помещиков в хозяйственную деятельность и крестьянскую жизнь в предыдущий период. В 1918–1919 гг. имели место случаи как дворянско-крестьянской трудовой кооперации, так и безвозмездной помощи крестьян своим бывшим владельцам. Тем из них, кому до революции удавалось поддерживать хорошие отношения с крестьянством, последние оказывали весьма ощутимую материальную помощь или сообщали о предполагаемых арестах. В годы гражданской войны увеличились случаи разграбления и уничтожения дворянских имений, физической расправы над бывшими помещиками. При

этом, не понимая художественной ценности дворянских библиотек или коллекций, крестьяне зачастую просто ломали вещи или сжигали книги. Отметим, что в лучшем случае в бывших дворянских усадьбах устраивались школы, коммуны, клубы, правления сельскохозяйственных коммун, детские коммуны, интернаты и лагеря для беспризорных детей, очень редко создавались музеи.

В конце 1917 года в губернские города переехали практически все помещики с семьями, оставившие свои имения. Многие из них привлекались для работы в новых советских учреждениях. Отметим, что в зависимости от возраста авторов воспоминаний события 1917–1918 гг. воспринимались по-разному. Более старшее поколение описывает их как «распространение хаоса и анархии», «мрачные, ужасные времена». И.Д. Голицына вспоминала впоследствии: «... трудности населения были ужасны. Не только пища, но и все исчезло. Магазины стояли пустые. На улицах не было улыбающихся лиц, не слышался смех, единственной мыслью было добыть хлеб или найти ему какую-то замену. Люди пекли хлеб из коры деревьев. Сушили кору, мололи и подмешивали в настоящую муку и из этой смеси пекли маленькие хлебцы... Мы, как и многие другие, не могли приспособиться к перемене обстоятельств» [5, с. 7].

Многие дворяне надеялись, что революция недолговечна, что все еще может измениться к лучшему, вернуться на «круги своя». Дети и дворянская молодежь в силу возраста не понимала произошедших перемен. Так, С.П. Раевский, которому в 1917 г. исполнилось 10 лет, вспоминал, что «конец семнадцатого и весь восемнадцатый год мы прожили безбедно и даже по времени роскошно» [10, с. 8]. Затруднения родителей они объясняли временными трудностями, общей «озабоченностью и неопределенностью». Перед старшим поколением вставали проблемы, связанные с поиском работы, места жительства и образования для детей. Зачастую они обвинялись в связях с контрреволюционными организациями, жили под угрозой ареста. Конечно, детей в силу их возраста родители старались оградить от трудностей жизни. Тем не менее они вынуждены были осваивать те навыки и умения, которые ранее им были несвойственны: выполнять домашнюю работу, готовить. Чтобы выжить, приходилось продавать вещи и драгоценности, искать работу, к чему дворянская молодежь оказалась абсолютно не приспособлена.

После окончания гражданской войны проблема цивилизационного выбора между эмиграцией и адаптацией к советским реалиям стала еще более острой и в психологическом плане оставалась нерешенной. В сознании российского дворянства было заложено сложившееся представление о естественности связи с народом и властью и своей избранности. Убеждение в особенностях, исключительности своего положения определяло образ мышления и поведение. Идея службы отечеству порождала чувство ответственности за судьбу страны, за общенациональные проблемы. Многовековые культурные стереотипы пришли в столкновение с действительностью, переход из мира господ в мир обычного человека, да еще лишенного прав, был чересчур резким и породил множество как культурных, так и психологических проблем. Разрушение старой культуры подразумевало и уничтожение ее носителей, психологическое или физическое. «Кто же теперь не знает — холод, голод, салазки, дрова, печурку, хождение по комиссариатским канцеляриям, разыскивание людей в папахах, говорящих о том, что вопрос надо рассматривать в такой-то “плоскости”, заполнение “анкет” о вашем отношении к советской власти...» [2, с. 302].

Постоянные новости о выселениях, ограблениях, расстрелах, арестах, издевательствах со стороны представителей органов власти порождали страх и унижение, стремление убежать, раствориться, исчезнуть и чувство безысходности своего положения. Мучительно созревало решение покинуть Родину. Поэтому те представители дворянского сословия, которые имели возможность уехать, пытались вырваться из «большевистского ада».

Однако эмиграция была недоступна для большинства дворянства как в силу экономических, так и социально-психологических факторов. Тягостное прощание с прошлой жизнью особенно тяжелым было для дворян, выбравших путь эмиграции, они понимали, что навсегда прощаются с Родиной, друзьями, близкими. Зачастую не все члены семьи могли одновременно покинуть Родину в силу различных причин (болезни, отсутствия разрешения на выезд), семьи разбивались. Да и жизнь в эмиграции не давала им уверенности в завтрашнем дне, к тому же была тяжелой как в

экономическом, так и социокультурном плане. Обстановка эмиграции, в которой «все серо, бедно, безденежно и печально», тяжело сказывалась на всех представителях дворянства и не располагала к творчеству. Так, например, известный генеалог Леонид Михайлович Савелов в порыве отчаяния даже написал завещание, в котором требовал все, им написанное, сжечь. Только благодаря вмешательству его друга, оккультиста Г.В. Бостунича, он изменил свое решение [11, с. 8–9].

Наименее исследованной проблемой является положение дворян в советском социуме и условия их быта в качестве маргинальной социальной группы «бывшие люди». Мотивация дворян, оставшихся в России, была различной. В качестве причин были и нежелание отрыва от Родины, невозможность эмигрировать по различным причинам; желание работать на благо своей страны вне зависимости от правящего режима; вера в недолговечность большевистского режима; активное неприятие самодержавия и либеральные взгляды. Чтобы вписаться в новое общество, представителям дворянства необходимо было найти свое место в нем, выработать модель поведения.

В 1920-е – начале 1930-х гг., несмотря на отдельные случаи люмпенизации, бывшим дворянам удалось найти свое место на рынке труда. Карьера бывших дворян во многом определялась как их профессиональными качествами, так и случайностью. Владение иностранными языками и широкий кругозор в области искусства и гуманитарных наук определили в качестве основной сферы деятельности различные культурно-просветительные и образовательные учреждения, а также репетиторство. В воспоминаниях часто упоминается о попытках создания в начале 1920-х годов драматических кружков и домашних театров, постановке любительских спектаклей. Многие бывшие дворяне работали в школах и университетах. Например, С.М. Волконский работал преподавателем в Тамбовском народном университете, где читал лекции по искусству, актерской декламации и литературе. Затем работал преподавателем в Институте музыкальной драмы в Пролеткульте, принимал активное участие в создании Ритмического института, читал лекции в Красноармейском клубе имени Свердлова в Кремле, вел занятия на инструкторских курсах рабоче-крестьянского театра. Подполковник, член ученой архивной комиссии, краевед М.К. Паренаго (1876–1931) с 1918 по 1925 годы заведовал в Воронеже историко-культурным музеем и проявил на этом посту неординарные организаторские способности. Он много ездил по городам и селам Воронежской губернии, создавал краеведческие кружки, участвовал в оформлении Всероссийской сельскохозяйственной выставки, спасал памятники старины и произведения искусства, читал курс лекций по истории русского искусства. Декана историко-филологического факультета Воронежского государственного университета профессора М.Н. Крашениникова впоследствии ОГПУ обвинит в том, что он способствовал приему на работу бывшего царского офицера.

Бывшие дворяне работали во всех отраслях и сферах народного хозяйства, состояли на военной службе, были в государственном аппарате и занимались (в период НЭПа) частным предпринимательством. При устройстве на работу или поступлении на учебу необходимо было заполнить анкету, обязательным пунктом которой являлись вопросы о социальном происхождении и имущественном положении человека и его родственников до 1917 года. Отсутствие пролетарского происхождения затрудняло устройство на работу или поступление в вуз. Власть на практике не доверяла «буржуазным» специалистам, поэтому в конце 1920-х – начале 1930-х гг. значительная часть бывших дворян не могла найти работу, соответствующую уровню своей квалификации, и трудоустроиться. Особенно это касалось тех из бывших дворян, которые уже побывали под арестом. Княгиня И.Д. Голицына вспоминала о том, как безуспешно пытался найти работу ее муж, и приводила слова советских чиновников, опубликованные в газете: «Представьте себе, князь, настоящий князь, появился в нашем учреждении и просил, вернее, требовал работу. Это ничтожество, не утруждавшее себя в прошлом никаким трудом и только украшавшее себя звездами спереди и сзади, теперь решило делать что-нибудь полезное. Мы, разумеется, не удовлетворили его просьбу. Он не работал раньше — у него не будет работы и теперь» [5, с. 44].

Изменился и образ жизни бывших дворян. Ущемление в правах касалось не только работы, но и жилплощади. «Господа», «притеснители» из имений и город-

ских домов вынуждены были переселиться в коммуналки. Бывшие дворяне стремились держаться вместе и по возможности «уплотнились» за счет родственников и знакомых — людей своего социального и культурного круга. Очень часто «бывшие» дворяне попадали в тюрьму по доносу соседей, которые стремились улучшить свое жилищное положение или как «вредители». «Чтобы завладеть квартирой, достаточно было раскулачить владельца...» — вспоминал С.П. Раевский. Он подробно описал свою квартирную тяжбу, отметив, что слова соседа о том, что «Раевский — племянник министра Хвостова и генерал-губернатора Евреинова», по сути, решили вопрос о его выселении в районном народном суде [10, с. 434–456].

Интересны воспоминания дворянской молодежи о повседневной жизни Советской России в 1920–1930-х годах. С.П. Раевский подробно описал свою учебу в деревенской школе, создание в 1921 году комсомольской ячейки. Говоря о своих взаимоотношениях с другими учащимися, он отмечал, что активисты-комсомольцы относились к дворянам отрицательно, считали их «белоручками», не способными к трудовой жизни, и полагали вполне справедливым изъятие у помещиков их бывших усадеб и передачу их для нужд крестьянского населения.

Положительно оценивается в дворянских воспоминаниях введение новой экономической политики как годы относительной политической и экономической свободы. Бывшие дворяне отмечали, что НЭП оказал влияние на подъем экономической жизни страны, в магазинах появились продукты. При этом открытие различных артелей, промыслов и торговых предприятий бывшие дворяне связывали с предпринимательскими качествами нэпманов, «это были труженики на благо народа, но не забывавшие, конечно, и себя» [10, с. 216]. В воспоминаниях С.П. Раевского описана его работа во Всесоюзном электротехническом институте, театральная жизнь Москвы, упоминаются такие события, как строительство метро, Дворца Советов, эпопея «челюскинцев». Рассказывая о повседневной жизни, он упоминает об ухудшении жизненного уровня населения по сравнению с годами НЭПа. Так, применительно к 1930 году он писал: «Жизнь становилась все труднее, цены росли, деньги обесценивались. В 1931 году в городе исчезли все продукты, в магазинах — пустые прилавки, из продуктов кое-что давали по карточкам...» [10, с. 390].

Деятельности ОГПУ в воспоминаниях «бывших дворян» посвящены отдельные сюжеты. Так как обыски и аресты в 1918–1922 гг. коснулись практически всех дворянских семей, представители старшего поколения стремились «не высовываться», довольствовались непритязательными должностями, публично не показывали свою «особость» и свои политические убеждения, не говорили о прошлом и не обсуждали с посторонними и даже знакомыми людьми общественно-политические события. Однако для части дворянства, особенно молодежи, была характерна своеобразная жизненная наивность. Они не понимали опасности общения с миром новой элиты, не думали, что на определенном этапе новый режим сможет обойтись без профессиональных знаний и компетенций, которыми владели представители дворянского сословия. Княгиня И.Д. Голицына вспоминала, что при ее первом аресте следователи удивились ее молодости: «Они решили, что это ошибка, и спросили, нет ли в доме кого-нибудь другого с таким именем, а потом, игнорируя яростные протесты моей матери, спросили, сколько же мне лет. Когда узнали, что 23, то приказали одеться и собраться. Я была взволнована, мне казалось, что арест превращает меня в героиню» [5, с. 16].

О.В. Волков вспоминал: «Я много читал, что-то сочинял, ходил в театры и концерты, любил “круг друзей” и вечера, где можно было, приодевшись, шегольнуть не вполне утраченной светскостью. В мои двадцать с лишним лет все это выглядело настоящей жизнью, в чем-то перекликавшейся с тем, как некогда жили отцы и деды. Правда, время от времени действительность напоминала о себе: быстро облетала знакомые дома весть о чьем-нибудь аресте. Круг наш сужался. И я, хоть гадал при каждом таком случае — когда наступит мой черед? — все же не испытывал постоянного гнетущего ожидания» [3, с. 2].

Аресты друзей, знакомых и членов семьи в 1924–1927 гг. часто считались случайностью, а не закономерностью, тем более что нередки были случаи освобождения арестованных через два-три месяца. «Не представляли тогда люди, — вспоминал

С.П. Раевский, — что можно выдумывать искусственные процессы» [10, с. 342]. Начиная с 1928 г. ненависть, непонимание, травля, а затем репрессии стали уделом многих представителей дворянского сословия, которые полагали, что смогут приспособиться к новой реальности. «Для тридцатых годов было характерно: переживешь одну неприятность... как вдруг возникает новая», — отмечал С.П. Раевский, описывая рост цен и обесценивание денег, обыски и перевод в категорию «лишенцев», аресты «вредителей», политические процессы и митинги. Однако он отмечает, что «призывы партии и правительства, исторические речи товарища Сталина» вдохновляли молодежь идти на любые жертвы ради светлого будущего [10, с. 444]. Даже несмотря на масштабность репрессий в 1935–1937 гг., многие дворяне не понимали своей обреченности. С.П. Раевский вспоминал: «...мне встречались освободившиеся из лагерей люди, считавшие, что их теперь не тронут, и они снова шли по канату» [10, с. 444].

Аннулирование юридического статуса дворянина, отчуждение собственности в пользу государства, фактическое лимитирование любых возможностей участия в общественно-политической жизни существенным образом повлияло на дворянское самосознание и идентичность. В условиях иной социальной реальности традиционные модели поведения не работали, и бывшим дворянам волей-неволей приходилось приспосабливаться к новому миру, который их не принимал. Новая властная элита полагала, что дворянство является фактором социального риска, который необходимо устранить. Активные члены партии и комсомола «разоблачали примазавшихся», которые скрывали свое социальное происхождение. Начались компании по выселению из Москвы и Петрограда «неблагонадежных» из числа родственников арестованных, продолжались аресты и расстрелы. Репрессионная политика 1930-х годов по отношению к сословию была нацелена на ликвидацию потенциальной оппозиции путем уничтожения возможности передачи культурных стереотипов от «дореволюционных» поколений к поколению детей и молодежи.

Библиографический список

1. Берто Д. Трансмиссия социального статуса в экстремальных ситуациях // Судьбы людей: Россия. XX век. М., 1996.
2. Волконский С.М. Воспоминания. М., 2004. Т. 2. Родина. Быт и бытие.
3. Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989.
4. Герасимова К., Чуйкина С. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России. 1920–1930-е годы. СПб., 2000.
5. Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М., 2005.
6. Давыдов А.В. Воспоминания: 1881–1955. Нью-Йорк, 1955.
7. Ефремов С. И. Дворянская семья в Советской России и СССР (1917 – конец 1930-х гг.): социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
8. Ефремов С.И. Трудовая деятельность бывших дворян в СССР (1920–1930-е гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2011. № 2. С. 141–146.
9. Иванов В.А. Миссия ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х годов: на материалах Северо-Запада РСФСР СПб., 1997.
10. Раевский С.П. Пять веков Раевских. М., 2005.
11. Савелов Л.М. Из воспоминаний. 1892–1903. Воронеж, 1996.
12. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003.
13. Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006.

References

1. Berto D. Transmissiia sotsial'nogo statusa v ekstremal'nykh situatsiiakh [Transmission of social status in extreme situations] in *Sud'by liudei: Rossiia. XX vek* [Destinies of people: Russia. XX century]. M., 1996 [in Russian].
2. Volkonsky S.M. *Vospominaniia* [Memoirs]. M., 2004. T. 2. Rodina. Byt i bytie [Vol. 2. Homeland. Everyday life and being] [in Russian].
3. Volkov O.V. *Pogruzhenie vo t'mu* [Immersion under cover of darkness]. M., 1989 [in Russian].

4. Gerasimova K., Chuikina S. Ot kapitalisticheskogo Peterburga k sotsialisticheskomu Leningradu: izmenenie sotsial'no-prostranstvennoi struktury goroda v 30-e gody [From capitalist St. Petersburg to socialist Leningrad: change of social and spatial structure of the city in the 30-ies] in *Normy i tsennosti povsednevnoi zhizni. Stanovlenie sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii. 1920–1930-e gody* [Norms and values of everyday life. Formation of a socialist way of life in Russia. 1920–1930-ies]. SPb., 2000 [in Russian].
5. Golitsyna I.D. Vospominaniia o Rossii (1900–1932) [Memories of Russia (1900–1932)]. M., 2005 [in Russian].
6. Davydov A.V. Vospominaniia: 1881–1955 [Memories: 1881–1955]. New York, 1955 [in Russian].
7. Efremov S.I. *Dvorianskaia sem'ia v Sovetskoii Rossii i SSSR (1917 – konets 1930-kh gg.): sotsiokul'turnyi aspekt. Avtoref. diss. ... k.i.n.* [Noble family in the Soviet Russia and the USSR (1917 – end of 1930-ies): sociocultural aspect. Extended Abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. M., 2011 [in Russian].
8. Efremov S.I. Trudovaia deiatel'nost' byvshikh dvorian v SSSR (1920–1930-e gg.) [Labour activity of former noblemen in the USSR (1920–1930-ies)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriia i politicheskie nauki»* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «History and political science»], 2011, no. 2, pp. 141–146 [in Russian].
9. Ivanov V.A. Missiia ordena: Mekhanizm massovykh repressii v Sovetskoii Rossii v kontse 20-kh – 40-kh godov: na materialakh Severo-Zapada RSFSR [Mission of an order: the mechanism of mass repressions in the Soviet Russia in the late 20-ies – 40-ies: on the materials of the Northwest of RSFSR]. SPb., 1997 [in Russian].
10. Raevskij S.P. Piat' vekov Raevskikh [Five centuries of Raevskij]. M., 2005 [in Russian].
11. Savelov L.M. Iz vospominanii. 1892–1903 [From memoirs. 1892–1903]. Voronezh, 1996 [in Russian].
12. Smirnova T.M. «Byvshie liudi» Sovetskoii Rossii. Strategii vyzhivaniia i puti integratsii. 1917–1936 gody [“The former people” of Soviet Russia. Strategy of survival and ways of integration. 1917–1936]. M., 2003 [in Russian].
13. Chuykina S.A. Dvorianskaia pamiat': «byvshie» v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody) [Noble memory: “former” in the Soviet city (Leningrad, 1920–30-ies)]. SPb., 2006 [in Russian].

*E.P. Barinova**

SOVIET RUSSIA OF 1920-IES ON THE PAGES OF NOBLE MEMOIRS

On the basis of analysis of memoirs of representatives of nobility, both emigrants, and remained in the Soviet Russia, estimates of everyday life of 1920-ies years are presented in the article. The analysis of the latest researches of historians in which changes in consciousness and behavior of representatives of nobility in the 1920–1930-ies are lit is given. Features of perception of daily occurrence are shown, their dependence on the extent of adaptation of «former» to the new social reality is noted. The comparative analysis of memoirs has shown a community of cultural stereotypes preventing social adaptation. It is emphasized that originally the policy of the ruling power has been aimed at social, cultural and psychological exclusion of representatives of pre-revolutionary elite, and in the early thirties on physical destruction of potential opposition, on exclusion of potential possibility of transition of cultural stereotypes from «prerevolutionary» generations to the generation of children and youth.

Key words: everyday life, memoirs, cultural stereotypes, adaptation, social risks, nobility, «former».

Статья поступила в редакцию 11/II/2016.

The article received 11/II/2016.

* *Barinova Ekaterina Petrovna* (rfnz25@yandex.ru), Department of Social-Humanitarian and Natural-sciences Disciplines, Samara institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, 87/35, Neverova/Lineinaia street, Samara, 443036, Russian Federation.